

Базовое значение и традиционные коммуникативные функции граммем незрительной чувственной засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках

Аннотация. В статье выделяются и сопоставляются базовые значения и диахронически ранние коммуникативные функции эвиденциальных сенсорных граммем самодийских и юкагирских языков. Аргументируется отражение эвиденциальными грамматическими оппозициями этих языков древней ментальной оппозиции видимого / невидимого.

The paper considers and compares the basic meanings and diachronically earlier communicative functions of the sensory evidential grammemes in the Samoyedic and Yukagir languages. The imaging of the early mental visible/invisible opposition by means of the evidential grammatical oppositions in the languages involved is validated.

Ключевые слова: эвиденциальность, диахроническая типология, сенсорные граммемы, оппозиция видимого / невидимого.

Evidentials, diachronical typology, sensory grammemes, visible/invisible opposition.

УДК: 81.22

Контактная информация: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Институт филологии СО РАН, сектор тунгусо-маньчжуроведения. Тел.: (383)330-27-37. E-mail: sector-tungusov-mail.ru.

Описательным термином «граммемы незрительной чувственной засвидетельствованности» мы обозначаем такие граммемы глагольной категории эвиденциальности (засвидетельствованности), которые указывают, что реальная (референтная, денотативная) ситуация, репрезентированная в речевом сообщении, воспринята говорящим (шире – свидетелем) чувственно, но не визуально, т.е. не посредством зрения, а посредством других чувств: слуха, осязания (тактильных ощущений), обоняния и др.

Граммемы незрительной чувственной засвидетельствованности относятся к числу наименее изученных эвиденциальных граммем, как в аспекте их эмпирического описания на материале конкретных языков, так и, особенно, – в аспекте их теоретико-лингвистического объяснения. Это в основном обусловлено объективными факторами – отсутствием таких граммем в хорошо документированных и изученных старописьменных языках при ограниченности и труднодоступности фактологического материала по младописьменным и бесписьменным языкам, в которых такие граммемы имеются.

В современных языках мира, имеющих глагольную категорию эвиденциальности (ГКЭ), граммемы, указывающие на незрительные чувственные источники получения сообщаемой информации, встречаются редко и только в «экзотических» языках, которые в недавнем прошлом обслуживали традиционные культуры древнего происхождения. Мировой лингвистике такие граммемы ГКЭ известны, главным образом, по описанию ряда индейских языков Северной и Южной Америки. А из многочисленных языков Евразии, имеющих ГКЭ, граммемы незрительной чувственной засвидетельствованности были выделены только в четырех самодийских языках: селькупском, ненецком, энецком и нганасанском. Для обозначения глагольных форм – носителей этих граммем в самодистике с 1930-х гг. принят термин «аудитив», внутренняя форма которого отразила доминирующее употребление этих форм при указании на слуховое восприятие реальных ситуаций, идентифицированных говорящим по услышанным звукам. Однако на документированных хронологических срезах самодийских языков грамматическая семантика аудитивных форм не исчерпывалась указанием на слуховой источник информации, а фактически охватывала всю семантическую зону незрительной чувственной засвидетельствованности и даже выходила за ее пределы в область пересказывательных (репортативных, ренарративных) и инференциальных (инферентных) значений [Терещенко 1973: 145–146; Ильи-

на 2002, 2006: 87–88, 2010; Гусев 2007; Люблинская, Мальчуков 2007]. Поэтому для исследования самодийских граммем незрительной чувственной засвидетельствованности в предметах синхронической и диахронической типологии актуальным представляется установление и обоснование, во-первых, базовых значений этих граммем на документированных срезах, во-вторых, их диахронически наиболее ранних, по возможности генетически первичных значений и коммуникативных функций.

То, что типологические аналоги самодийского аудитива отсутствуют в других языках Евразии, имеющих ГКЭ, в том числе – родственных самодийским, но при этом наличествуют в американско-индейских (америндских) языках, выглядит парадоксально. В наших предшествующих работах этот парадокс был осмыслен как познавательная проблема диахронно-типологического исследования ГКЭ, актуализирующая поиск на документированных срезах языков Северной Азии, имеющих ГКЭ, индикаторов и следов существования в диахронии этих языков граммем незрительной чувственной засвидетельствованности, типологически сходных с самодийским аудитивом [Ильина 2009, 2010].

В процессе недавно проведенного сопоставительного исследования эвиденциальных граммем и оппозиций самодийских и юкагирских языков было обнаружено, что в архаичных текстах традиционного юкагирского фольклора, сохраненного преимущественно колымскими юкагирами и записанного у них В.И. Иохельсоном в конце XIX в., функционировала грамматикализованная аналитическая глагольная бивербальная конструкция (БВК), типично указывающая на слуховое восприятие ситуации, т.е. грамматико-семантически сходная с самодийским аудитивом. Основной (знаменательный) компонент этой юкагирской БВК – инфинитная форма (ИФ) с показателем **=(л)лӓ́**. Ее возможно трактовать либо как имя действия в инструментальном падеже, либо, скорее, как деепричастие. Важно, что служебный (грамматический) компонент БВК **мод=(мэд=)** – показатель данной юкагирской граммемы восходит к основе глагола слухового восприятия (**моді=(мэди=)** ‘быть слышным’. Это дает основание считать, что указание на слуховое восприятие ситуации является диахронически первичным значением рассматриваемой юкагирской эвиденциальной БВК. Поэтому мы сочли возможным обозначить данную юкагирскую аналитическую форму и выражаемую ею граммему термином «аудитив», хотя на документированных срезах ее грамматическая семантика существенно шире указания на слуховой источник информации.

В отличие от показателя юкагирской аналитической аудитивной формы **мод=(мэд=)**, восходящего к глаголу слухового восприятия, показатели самодийских синтетических аудитивных форм (нен. **=won/=mon=**; эн. **=qno/=mqno=**; нган. **=mijj/=munu=**; сельк. **=kunü=**) не имеют прозрачной этимологии. Тем не менее их базовая и диахронически ранняя семантика хорошо прослеживается на документированных срезах.

Мы полагаем, что в дефинициях классиков самодистики Г.Н. Прокофьева, Г.Д. Вербова и Н.М. Терещенко аудитив самодийских языков определен, в сущности, по его базовому значению, абсолютно доминировавшему в общении над его другими – вторичными и переносными значениями – и указывающему, что реальная ситуация, о которой сообщается, установлена говорящим на основании слухового восприятия ее акустических признаков – услышанных звуков. В этих дефинициях классиков самодистики осознанно не отражено не только транспозиционное значение пересказа, редко встречающееся на документированных срезах, но и более частотные вторичные значения, указывающие не на слух, а на другие незрительные чувственные источники информации: чаще на тактильные ощущения, т.е. осязание, реже – на обоняние и внутренние ощущения.

Выделение и подчеркивание значения грамматической формы глагола, являющегося для нее на документированных срезах базовым, крайне важно. В синхронии базовое значение определяет сущность глагольной граммемы, указывает на ее участие в строго определенных грамматических оппозициях, то есть принадлежность к строго определенной грамматической категории и субкатегории глагола. А в диахронии оно, как правило, является генетически ранним или даже первичным значением данной граммемы, на базе которого развились в диахронической перспективе ее вторичные и транспозиционные значения [Плунгян 2011: 86–87].

Прочитируем исторически первую и наиболее развернутую дефиницию аудитива, данную Г.Н. Прокофьевым в книге «Селькупская грамматика», опубликованной в 1935 году и описывающей северный, тазовский диалект селькупского языка на хронологическом срезе 1920-х гг. Г.Н. Прокофьев писал: «Аудитив (auditivum) выражает действия, устанавливаемые на основании их слышимости. Напр., сидя в чуме, можно заключить о приходе кого-либо по шагам, по слышимому голосу и т. д. На русск. яз. формы аудитива могут быть переводимы с помощью “слыхать”. Примеры:

kutʷ kos niʃčik čitʷkunæ... ‘кто-то так говорит (слыхать).’

niʃčik unDʷɨnʷitʷ :qur tar račitʷkunæ... ‘так слышит он: человек вот рубит (слыхать)’

kylæn ijatʁ innæ na polelkunʔ... ‘вбрана птенцов (вверх вот, проглатывает (слыхать))’.

çitʔkunæ – 3л.ед.ч.ауд. от гл. çitʔqo ‘говорить’

paçitʔkunæ – 3л.ед.ч. ауд. от гл. paçitʔqo ‘рубить’

polelkunʔ – 3л.ед.ч. ауд. от осн. мнж. дств. гл. polʔqo ‘проглотить’

Показателем аудитива служит суффикс. *-kun*.

1-го лица аудитив, естественно, не образует...» [1935: 69–70].

Сразу же внесем несколько уточнений, учитывающих результаты последующих исследований:

1-е уточнение. На самом деле аудитив образует 1-е лицо и в селькупском, и в северносамодийских языках, но употребляется в 1-ом лице исключительно редко, вероятно потому, что указывает в этом случае на высокую степень неконтролируемости говорящим собственных действий. Редкое употребление эвиденциальной формы глагола в 1-м лице и, напротив, ее коммуникативное тяготение и высокочастотное употребление в 3-м лице – это лингво-типологический эмпирический критерий, позволяющий идентифицировать граммы косвенной засвидетельствованности и разграничить их с граммами прямой засвидетельствованности. Последние высокочастотны и в 1-м, и в 3-м лицах, но все же коммуникативно тяготеют к 1-му лицу.

Одни только логические критерии разграничения глагольных форм прямой и косвенной засвидетельствованности неэффективны. Например, встречающееся в литературе определение всех чувственных эвиденциальных грамм как указывающих на прямую засвидетельствованность логически понятно, но во многих случаях получает отрицательную эмпирическую верификацию на языковом материале. Самодийский аудитив – классическая чувственная эвиденциальная граммма, но вместе с тем это граммма косвенной, а не прямой засвидетельствованности. Такой же статус имеет юкагирский аудитив. Мы пока его встречали только в формах 3 л. ед. и мн. ч. Н. Козинцева в своей известной статье «Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)» опиралась на данные американистики и тоже определила грамму слухового восприятия как косвенную засвидетельствованность [1994: 93].

2-е уточнение. Выделенный Г.Н. Прокофьевым суффиксальный показатель селькупского аудитива *=kun=* на самом деле является двухсложным. Основной фонематический вариант селькупского аудитивного суффикса – *=kunä=* [Кузнецова и др. 1980: 247].

3-е уточнение. Оно самое важное. Базовое значение аудитива в селькупском языке и в других самодийских языках – это указание на слуховое восприятие не любой ситуации, а только ситуации невидимой. Высоковероятно, что именно это значение было диахронически первичным и у самодийского, и у юкагирского аудитива. Г.Н. Прокофьев фактически отметил в дефиниции невидимость ситуации, репрезентируемой аудитивом, но отметил латентно, типичным примером употребления аудитива. А такая особенность его базового значения чрезвычайно существенна и ее важно подчеркнуть. Аудитив отчетливо выделяет и, главное, грамматикализует в системе глагола самодийских языков невидимые реальные ситуации. Из этого вытекают очень важные следствия, которые, по нашему мнению, доказательно аргументируют древность граммы аудитива в диахронно-типологическом аспекте. Частью такие аргументы далее приведены в контексте парадигматического и коммуникативно-функционального сопоставления самодийской граммы аудитива с ее юкагирским типологическим аналогом. В сопоставительной модели ядерных эвиденциальных оппозиций наглядно представлены и сопоставлены между собой категориальные парадигмы ГКЭ самодийских и юкагирских языков.

Символом \leftrightarrow обозначены три основных варианта оппозиции прямой /косвенной засвидетельствованности: АС/АД; АС/ВД; ВС/ВД. Все они грамматически репрезентируют в языках древнюю ментальную доминанту видимого / невидимого, но с разной степенью отчетливости и последовательности. Наиболее строго противопоставлены видимые и невидимые ситуации оппозицией чувственных грамм АС/АД. Поэтому данная оппозиция интерпретируется как диахронически первичная.

Представляется, что сопоставление глагольных категорий разных языков не на уровне отдельных категориальных форм и грамм, а системно, на уровне целостных категориальных парадигм – это высший, максимально возможный уровень сопоставительно-типологического исследования глагольных категорий. На этом уровне типологического сопоставления не существенны формально-структурные сходства-различия носителей сопоставляемых грамм, а существенны базовые

значения этих граммем и их внутрикатегориальные оппозиции, которые детерминируют грамматическую обязательность реализации этих граммем в речевой коммуникации.

Ядерные эвиденциальные оппозиции самодийских и юкагирских языков

	С. Подсистема (субкатегория) прямой засвидетельствованности	Д. Подсистема (субкатегория) косвенной засвидетельствованности
<p>А. Подсистема (субкатегория) чувственной засвидетельствованности реальной ситуации</p> <p>В. Подсистема (субкатегория) ментально-вербальной засвидетельствованности сообщаемой информации</p>	<p>АС</p> <p>Граммема с базовым значением «отчетливое зрительное восприятие ситуации».</p> <p>Носители граммемы:</p> <p>сельк. «индикативная» форма «аориста» с показ. =η= (=n=, =j=, =\emptyset=)</p> <p>нен. «индикативная» форма «аориста» или «неопределенного вр.» с показ. =ηa= или =\emptyset=</p> <p>юк. «индикативная» форма «аориста» или «настояще-прошед. вр.» или «очевидности» с показ. =\emptyset=</p>	<p>АД</p> <p>Граммема аудитива с базовым значением «слуховое восприятие невидимой ситуации».</p> <p>Носители граммемы:</p> <p>сельк. синтетическая форма с показ. =kun(V)=</p> <p>нен. синтетическая форма с показ. =won(o) /= mon(o)=</p> <p>юк. аналитическая форма (БК) ИФ на =(l)lä + mod=(määd=), восходит к modi= (mädi=) ‘быть слышным’</p>
	<p>ВС</p> <p>Граммема с базовым значением «личный прошлый опыт».</p> <p>Носители граммемы:</p> <p>сельк. «индикативная» форма «прошед. вр.» с показ. =s(V)= (=sVη/n=)</p> <p>нен. «индикативная» форма «прошед.вр.» с показ. =ηa= /=\emptyset=...=§</p> <p>юк. форма с показ. =\emptyset= (семантика ВС совмещена с семантикой АС)</p>	<p>ВД</p> <p>Граммема медиатива, совмещающая значения пересказа и инференции. Носители граммемы:</p> <p>сельк. форма «повеств. пр.вр.» с показ. =(m)p=</p> <p>нен. форма «неочевидности» с показ. =wь /= мь=</p> <p>юк. форма «evidential mood» (Иохельсон) или «неочевидности» (Крейнович) с показ. =fel=</p>

Носители граммем аудитива в самодийских и юкагирских языках формально-структурно различаются. В самодийских языках это синтетические глагольные формы с суффиксальными показателями, а в юкагирских – аналитическая глагольная бивербальная конструкция, в которой носителем лексического значения является инфинитная глагольная форма на =(l)lä, а служебный компонент **mod**= – показатель аудитива восходит к основе глагола слухового восприятия **modi**= ‘быть слышным’.

Но несмотря на формально-структурные различия, самодийский и юкагирский аудитив существенно сходны типологически. Они имеют одинаковые базовые значения «слуховое восприятие невидимой ситуации» и противопоставлены граммемам тоже с одинаковыми базовыми значениями: «отчетливое зрительное восприятие ситуации». В модели это оппозиция граммем АС/АД, обозначенная верхней стрелкой. Мы рассматриваем эту оппозицию граммем зрительной/незрительной чувственной засвидетельствованности как диахронически первичный вариант центральной категориальной оппозиции прямой / косвенной засвидетельствованности. Другие варианты реализации этой оппозиции АС/ВД и ВС/ВД являются, по нашему мнению, диахронически вторичными. В модели они тоже обозначены стрелками.

Самое важное то, что диахронически первичная оппозиция граммем АС/ АД с базовыми значениями «отчетливое зрительное восприятие ситуации» и «слуховое восприятие невидимой ситуации» в глубокой диахронической ретроспективе самодийских и юкагирских языков грамматикализовала в системе их глагола фундаментальную бинарную оппозицию первобытного мифологического мышления – оппозицию видимого и невидимого.

Это аргументирует глубокую древность происхождения и в самодийских, и в юкагирских языках оппозиции глагольных граммем зрительной / не зрительной чувственной засвидетельствованности, а следовательно, глубокую древность граммемы аудитива и вероятное существование ее в диахронии всех уральских языков при принятии гипотезы уральско-юкагирского языкового родства.

Глубокую древность граммемы аудитива аргументируют и одинаковые архаичные коммуникативные и синтаксические функции, реализуемые ею на документированных срезах самодийских и юкагирских языков, особенно в традиционных сферах деятельности и общения. Отметим те из них, которые представляются наиболее научно значимыми и выявлены впервые.

1. Употребление самодийских и юкагирских речевых глаголов в аудитивной форме при введении цитируемой речи невидимого говорящего.

(1) Нен. *pīnje atsekīh mā=manō=do*: «*āni jād müud müusíeh...*».

Draussen die Burschen **hörte man sagen**: «Aus einem anderen Lande die Karawanen gehen...» [Castren, Lehtisalo 1940: 264].

Снаружи (вне чума) ребята **говорят=слышно** (3 Pl.): «Из другой земли аргиши (оленьи обозы) идут...».

(2) Нен. *Пихи-пихиня тарем' ма=монон=да*: «*Яхадей тыни хось ямын*» [Терещенко 1990: 60].

Снаружи (вне чума) так **сказал=слышно** (3 Sg): «Важенок найти не могу».

(3) Нен. *Нэвакон нид Ноб"-Лаханана тэбкада=вонон=да*.

Пыда тарем' **ма=монон=да**: Не, Ева – Не, тю"уня ha! [Фольклор ненцев 2001: 278, 279].

Сверху Один-Голос **звучал=слышно** (3 Sg.). Так **говорит=слышно** (3 Sg.): «Женщина, Сирота–Женщина, вставай!».

(4) Нен. *Хонараривэв". Лахана савононду, тарем' ма=монон=ду"*: – *Тедахава' нылекава" хэнекы!* [Фольклор ненцев 2001: 280, 281].

Дремлю. Слышу разговор. Так **говорят=слышно** (3 Pl.): «Нгылека (злой дух) этот заснул».

(5) Юк. *Пабāги мблло мбдич*: «*Амā, пон чомон лунāи, шāшпāд-āhil тонк*». *Анцāђа пудāт мбдīm, тудā нāбā-ацугāлā мбдīm* [Иохельсон 1900:159; 2005: 189].

Старшая сестра **говоря=слышна**: «Мама, сильно задымило, дверь закрой». Сквернослов снаружи (вне урасы) слышал, слова своей старшей сестры слышал.

Говорящий (старшая сестра) находится внутри жилища (урасы), а два свидетеля речевого действия – адресат речи (мать) и сторонний свидетель (младший брат) – находятся снаружи. Они не видят говорящего и воспринимают речевое действие только на слух.

Употребление аудитивных форм речевых глаголов при введении цитируемой речи невидимого говорящего – это частный случай реализации оппозиции видимого и невидимого. Если говорящий был видимым для адресата речи или свидетеля, то употреблялись не аудитивные формы речевых глаголов, а формы отчетливой зрительной засвидетельствованности тех же глаголов. В ненецком языке это обычно **ма**, а в юкагирском **моннi**.

2. Употребление самодийского и юкагирского аудитива в типологически идентичных эвиденциальных полипредикативных конструкциях (ППК) архаичного типа. В них указание на слуховой источник реализуется дублированно – лексическим значением сказуемого модусной части и грамматическим значением сказуемого диктумной части.

(1) Нен. ...*vaäsakoh jinsilie: niernjāna jien mūno=mōn=do*?

... Alte **lauscht**: In der Richtung nach vorn **hörte man die Laute** von Bogensehen [Castren, Lehtisalo 1940: 258].

... Старик **слушает**: впереди тетивы (луков) **звучат=слышно** (3 Pl).

(2) Нен. *Тарем' инзеледм', Тасиняһы-Ерв пыда ма=монон=да*: *Хэй, тюку тыни харкарка һэвы!* [Фольклор ненцев 2001: 294, 295].

Так **слышу я**: Предводитель-Тасинянги **говорит=слышно** (3 Sg): «Хэй, какие большие олени!».

(3) Сельк. *(Ica) Ukkyr contōt ūṅkyltympaty: lōs-ira tū=kynā sumpāptympylā* [Кузнецова, Казакевич, Иоффе и др. 1993: 19, 58].

(Ича – герой мифов) В один момент **слушает**: черт-старик **пришел= слышно** (SUBJ/3Sg) напевая.

(4) Юк. *Пудāт мārīūāi: mārīkiādiā jāxtāllā мбдич*. [Иохельсон 1900: 3; 2005: 34].

(Старик) Со двора (снаружи) **прислушивается**: старушка **поет=слышно** (3 Sg.).

(5) Юк. Контекст. На спящих юкагиров напали враги. Герой, услышав крики своей девушки, приходит ей на помощь.

Мбдīm – тинāтаһ мārхil орнāллā мбдич, јуом – пāи чāнма хōдоi, тудā јондоцāгāлā тудā-будiā āтахун нугōнā мбiм. Тāтiлāт орнāi. [Иохельсон 1900: 139; 2005: 169].

‘**Слышит**: та (ранее названная) девушка (*мархil*) **крича=слышна**, **видит**: молодая женщина (*пāи*) на спине **лежит (это видно)**, свое одеяло над собой двумя руками **держит (это видно)**, в таком положении находясь, **кричит (это видно)**’.

Феномен дублированного указания источника информации в эвиденциальных полипредикативных конструкциях архаичного типа лексическим значением сказуемого модусной части и грамматическим

значением сказуемого диктумной части мы рассматриваем как архаичный способ выражения синтаксической связи, выработанный в традиционном фольклоре. В самодийских и юкагирских языках он реализуется не только в ППК с аудитивной семантикой, но и в ППК с семантикой зрительной засвидетельствованности. Есть основания считать, что в диахронии он распространялся и на ППК с другой эвиденциальной семантикой. Мы называем этот способ синтаксической связи лексико-грамматическим плеоназмом.

3. Употребление самодийского и юкагирского аудитива в шаманских камланиях.

1) Нен. Контекст. Шаман, камлая, обращается к своему вызванному и прибывшему духу-помощнику, который невидим.

síw(ǎ)m tōta χānawāi! tāχav'āδ(ǎ) tō=wanōn=t

Siebenflügliger Habicht! Dennoch **hörte man dich kommen** [Lehtisalo 1947: 471].

Семикрылый ястреб! Все-таки ты **пришел=слышно** (2 Sg.).

2) Нен. Контекст. Шаман, камлая, цитирует своего вызванного и прибывшего духа-покровителя (предка-великана), который невидим.

sūd(ǎ) b'ēi jirikow(ǎ) ŋāni' ta'em' mā=monōn=ta: «sāmt(ǎ)χāde χora namna!»

Meinen riesenhaften Grossvater wieder so **hörte man sagen**: «Rauchig gewordener Stier im zweiten Jahr!» [Lehtisalo 1947: 471].

Мой великанский предок (букв. дедушка) так **сказал=слышно** (3 Sg.): «Дымным (седым) быком стал бычок-второгодок!»

3) Нен. Контекст. В конце камлания шаман сообщает об уходе духов-помощников.

βīr'ŋer'ōdi'' χāe =βeŋon=ǎ

Ihr Gerassel **hörte man sich fortbegeben** [Lehtisalo 1947: 491].

Их шум **ушел=слышно** (3 Sg.).

4) Юк. Контекст. Шаман, камлая, цитирует предсказание своего духа-помощника, который невидим (устаами шамана вещает вселившийся в него невидимый дух).

(Алма) *jalhīnāt mōllo mōdīč: «Onóčlā tīn Ōnmunlahīn āgūyuhimāi, mahnugi agūpnāhimāi»* [Иохельсон 1900: 99; 2005: 130].

(Шаман), камлая, **говоря-слышен** (3 Sg.): «Позже этим местом на Колыму кочевать будут, мучиться будут».

Употребление самодийского и юкагирского аудитива в шаманских камланиях отражает существенную специфику коммуникации в сакральной сфере. Сакральная сфера общения охватывала всю традиционную культуру, а сама была миром невидимых духов и смутно видимым «миром теней». Поэтому в сакральной сфере общения были в высокой степени коммуникативно нагружены эвиденциальные граммы незрительной чувственной засвидетельствованности. И самодийские, и юкагирские духи считались невидимыми. Юкагиры так и называли духов-помощников шамана – «невидимые» [Иохельсон 1900:113; 2005:143]. У ненцев шаманом высокого статуса мог стать только тот, кто научился чувственно воспринимать невидимых духов, научился «слышать» их звуки. Есть основания считать, что это общая и очень древняя черта самодийского и юкагирского шаманизма. Поэтому высокостатусные самодийские и юкагирские шаманы, общаясь с духами или сообщая людям о поведении, пожеланиях, предсказаниях духов, употребляли аудитивные формы.

Таким образом глагольные граммы незрительной чувственной засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках выполняли одинаковые или существенно сходные традиционные коммуникативные функции древнего происхождения, реализуя при этом идентичные диахронически ранние базовые значения – указание на слуховое восприятие невидимых ситуаций, в том числе – сакральных.

нен. – ненецкий язык; **нган.** – нганасанский язык; **сельк.** – селькупский язык; **юк.** – юкагирский язык.

Вербов Г.Д. Диалект лесных ненцев // Самодийский сборник. Новосибирск, 1973. С. 4-190.

Гусев В.Ю. Эвиденциальность в нганасанском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. С.;П. 2007. С. 415–444.

Ильина Л.А. Аудитивная форма глагола в селькупском языке: традиционные функции и эволюция // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2002. № 4. С.31-34.

Ильина Л.А. Эволюция эвиденциальных высказываний в самодийских языках // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Новосибирск. 2006. С. 79–119.

Ильина Л.А. Общие черты глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2009. №4. С.57–60.

Ильина Л.А. Самодийская глагольная граммема аудитива и ее юкагирский аналог // Материалы 3-ей международной научной конференции по самодистике. Новосибирск, 2010. С. 99–106.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005.

Крейнович Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982.

Козинцева Н.А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопр. языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.

Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Кузнецова А.И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект (Учебное пособие). М.: Изд-во МГУ, 1993.

Люблинская М.Д., Мальчуков А.Л. Эвиденциальность в ненецком языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. С.;П., 2007. С. 445–468.

Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011.

Прокофьев Г.Н. Селькупская грамматика. Л, 1935.

Прокофьев Г.Н. Ненецкий (юрако-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.;Л. 1937. С. 5–52.

Терещенко Н.М. Ненецкий эпос: Материалы и исследования по самодийским языкам. Л.: Наука, 1990.

Терещенко Н.М. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973.

Фольклор ненцев. Новосибирск: Наука, 2001.

Castren M.A., Lehtisalo T. Samojedische Volksdichtung. Helsinki, 1940.

Lehtisalo T. Juraksamojedische Volksdichtung. Helsinki, 1947.